Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. — В единении сила!

ГОЛОС ТРУДА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ Ю. АМЕРИКИ.

„GOLOS TRUDA" *Orgáno de la Federación Obrera Rusa Sud-Americana.*

Год 11 || Buenos Aires, 1 de Febrero de 1928 || Direccion: Correo Central, Casilla 1752 || № 283

Кропоткин — пропагандист.

Жизнь и деятельность П. А. Кропоткина — так многогранны и богаты событиями и содержанием, так — долголетни и так активны что чтобы говорить о таковых пришлось бы написать по крайней мере целую книгу. Ученый, исследователь, географ, геолог, историк, и социолог, он в то же время и общественный деятель, революционер и анархист; он еще и теоретик и пропагандист.

Как об ученом, как об анархисте и революционере, о Кропоткине писалось и пишется много; многие даже хотят превратить его в то чем он никогда не был. Все кому не лень претендуют быть носителями—единственными и исключительными носителями—его идеалов и его заветов. Приверженцы политической партии, анархо-большевики, анархо-синдикалисты и прочие, все стараются выставить Кропоткина таким каков он им необходим, чтобы на его авторитете обосноваться в революционном и рабочем и даже анархическом движениях. Но о том чему учил и что проповедывал П. А. Кропоткин лучше и яснее всего говорят его собственные статьи, которые читатель найдет в этом же номере Г. Т. И всякий кто со вниманием вникнет в них, увидит ясно, что Кропоткин никогда не был и не мог быть ни партийным деятелем, ни политиком, а был великая душа, величайший ум, вмещавший в себе познание и любовь ко всему миру, ко всем людям. Не о благе группы, ни класса заботился он, а о благе всех людей, всего человечества. И анархизм для Кропоткина был нечто большее чем только партийное движение, нечто более великое даже чем только общественное движение: «Анархизм — писал Кропоткин в Записках Революционера — нечто большее, чем простой способ действия, или чем идеал свободного общества. Он представляет собою кроме того, философию, как природы, так и общества...» И на эту работу обоснования анархизма как философии природы и общества, Кропоткин отдал большую часть своей жизни.

Но Кропоткин разработал не только основные принципы анархизма, он выработал также и свои методы пропаганды. Исходя из основных положений анархизма, что «нравственно-развитая личность должна быть в основе всякой организации, независимо от того какой политический характер она потом не приняла и какую бы программу она ни усвоила под влиянием событий», Кропоткин всегда апеллировал к личности и сознанию человека, а не к его чувствам; будил в нем любовь к жизни и человеку, пробуждал стремления к более прекрасному и великому будущему, а не играл на его временных интересах, на его чувствах классовых, групповых, или партийных. И поэтому его идеи и его пропаганда дали эти великие результаты: анархизм стал великим идеалом человечества, а анархист великим мечтателем и борцом за этот величайший и прекраснейший идеал.

Еще больше, Кропоткин неоднократно повторял: «что никакой революции: ни мирной, ни кровавой, не может совершиться без того, чтобы новые идеалы глубоко не проникли в тот самый класс, которого экономические и политические привилегии предстоит разрушить». Кропоткин видел ясно что никакая борьба за интересы одной или другой группы людей не сможет вести к победе в этот период ускоренных общественных трансформаций называемый революцией, а только великий общечеловеческий идеал и нравственное влияние преследуемых целей.

«Исход борьбы — писал он — зависит не столько от ружей и пушек, сколько от творческой силы, примененной к переустройству общества на новых началах. Исход будет зависеть, в особенности от созидательных общественных сил... и от нравственного влияния преследуемых целей».

Как видно Кропоткин был крайне далее от тех кто из революции хотят сделать панацею всего, ибо по его пониманию под-

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ КРОПОТКИН

готовка общественной мысли и выработка высоко-нравственных личностей, и даже заражение привиллегированных классов этими великими идеалами — необходимы, чтобы революция могла превратиться в социальную. Без этой идейной и моральной базы социальная революция — невозможна и неосуществима.

Исходя из этих взглядов на анархизм, на социальную революцию и на методы осуществления великого идеала Довольства и Свободы, Кропоткин и своих методах пропаганды отличался от партийных пропагандистов.

«Социалистические газеты — пишет он в «Записках Революционера» — часто проявляют стремления обратиться в скорбный лист, наполненный жалобами на существующие условия, отмечается тяжелое положение работников в шахтах, на фабриках и в деревнях; яркими красками рисуется нищета и страдания рабочих во время стачек; подчеркивается их безпомощность в борьбе с предпринимателем. И эта летопись безнадежных усилий, повторяемая в газете из недели в неделю, производит на читателя самое удручающее впечатление. Тогда, в противовес этому впечатлению, редактор должен главным образом расчитывать на зажигательные слова, при помощи которых он и пытается внушить читателю веру и энергию. Я полагал напротив, что революционная газета, главным образом, должна отмечать признаки которые всюду знаменуют наступление новой эры, зарождение новых форм общественной жизни и растущее возмущение против устарелых учреждений... — заставить человека почувствовать себя заодно с бьющимся сердцем всего человечества, с зачинающимся бунтом против вековой несправедливости, и с попытками выработки новых форм жизни — в этом состоит главная задача революционной газеты. Надежда, а вовсе не отчаянье... порождает успешные революции».

И будучи оптимистом в своих методах пропаганды, он был редкий оптимист и в вопросе о средствах для пропаганды: «Постоянно в моей жизни—пишет он — я слышу жалобы передовых партий на недостаток средств; но чем больше я живу, тем больше убеждаюсь, что главное наше затруднение не в недостаче денег, а в недостатке людей, которые твердо и неукоснительно шли бы к намеченной цели и вдохновляли других... Для газеты, как и для всякого другого дела, люди—дороже денег.»

Кропоткин как видно из вышеприведенных цитат строил анархическую пропаганду не на классовой или групповой теории, ни методы этой пропаганды на громких и крикливых фразах, ни на возбуждении мелочных интересов одной или другой группы; ни также считал он что пропаганда идей может быть базирована на партийных фондах и централистическом руководстве.

Великий общечеловеческий идеал анархия требует человеческих и моральных методов, а такая работа может быть делаема только нравственно-развитыми личностями,—анархистами, для которых анархизм не только идеал будущего, а нравственная база для своей настоящей жизни и деятельности. И именно потому что Кропоткин был таким анархистом, он был и великим пропагандистом идей анархии и великим творцом идей великого и прекрасного человеческого будущего.

К товарищам и читателям Голоса Труда.

«Голос Труда» возродился и живет. Еще больше он «становится лучше и интереснее», как нам пишут читатели его. Январский, новогодний, и февральский, Кропоткинский, номера, вышли в 6 страниц. сотрудничество товарищей из Европы и других стран налажено. Но необходимо также обратить внимание и на материальную его сторону. Необходимо, чтобы товарищи и читатели приложили все усилия, чтобы регулярный выход «Гол. Тр.» был обеспечен.

А это возможно будет только тогда, если товарищи на местах отдадут должное внимание этому вопросу: будут устраивать предприятия, собирать по подписным листам, делать коллективные подписки и т. д., одним словом постараются чтобы приток средств в федеративную кассу был более или менее нормален.

И тогда общими усилиями мы сможем поставить Г. Т. на такую высоту в его идейной и культурно-просветительной работе, чтобы он стал носителем правды и света в самые темные духовные уголки где только имеется выходец из России.

За работу же, товарищи! Г. Т. старается быть достойным ваших жертв и ваших усилий.

Исп. Комиссия.

Федерация Р. Р. О. в Ю. А.

устраивает 26 февраля 1928 г.

ПИКНИК

в пользу ее органа "Г. Тр."

на даче (quinta) «DE LUCA»
:—: *улица DRAGONES* :—:

До вокзала Белграно идут трамваи: 35, 36, 38, 88, 88, и 97. От станции Ретиро можно ехать только электрическим поездом. От вокзала Белграно до места пикника будут ходить камионы с надписью: «ПИКНИК ГОЛОСА ДРУДА».

Будет играть

Русский ОРКЕСТР

духовой музыки в 9 чел.

Будут БУФЕТ, разные развлечения и РИФА с 5 премиями.

ВХОД 50 СЕНТОВ.

Пропаганду и билеты на пикник для распространения, требуйте в Фед.

НЕОБХОДИМО ЧИТАТЬ.

На первый взгляд данное название кажется не представляет собою ничего особенного, название и больше ничего, каких встречается много в газетных статьях и книгах. Но это только так кажется. Следует хорошенько присмотреться, вникнуть и проанализировать данный вопрос, и видно будет что он играет первостепенную роль в нашей жизни, особенно в жизни трудящихся.

Говоря о необходимости читать, я имею в виду книги писанные великими мыслителями и вообще честными людьми, которые своей мыслью облагораживают человека и выводят его постепенно из дикого состояния и ведут к более культурной и светлой жизни.

Не раз приходилось говорить с людьми которые абсолютно ничего не читают, да и считают совершенно лишним заниматься подобными „пустяками", кроме этого они говорят что все книги без исключения придуманы буржуазией лишь для того что-бы рабочего держать в темноте. Когда же стараешься расчленить книги на хорошие и дурные и стремишься доказать как их полезность так и вред, то в ответ тебе посылается: смех, ироническая улыбка, недоверие и т. д. и т. п. после чего жалеешь что потерял понапрасно время.

И вот эти люди, которых к сожалению имеется еще большинство, в свободное время от своей работы занимаются разными вредными развлечениями идущими в разрез с культурной жизнью. Когда у таковых людей имеется постоянная работа, то еще горе пополам, продолжают работать, ссориться, драться и живут так, лишь бы свет не без них. А как только из таковых людей кто либо соскакивает с работы, что часто случается в рабочей жизни, тогда бывает еще хуже: начинается беготня в поисках работы, которой к сожалению не так легко найти, беготня другой раз продолжается дни, недели и месяцы. За это время человек изнервничается и теряет всякую надежду на подыскание работы. Но вместо того чтобы усиленно тогда работать мозгами чтобы выйти из сложившегося положения, то он их еще хуже затемняет посредством алкоголя. Приходит пьяный домой и тут несладко, ибо голодные дети и жена ожидают хлеба. И тут-то начинается семейная драма которая заканчивается трагическими последствиями. Отец семейства в большинстве случаев попадает в госпиталь туберкулезных или в дом умалишенных или просто в дом для бездомных бродяг, а семья разбегается куда попало в поисках за пропитанием. Не лучше бывает и с холостяками; а в некоторых случаях еще хуже.

Дело другое, когда человек культурный или начитанный хорошими книгами. Такой человек реже теряет работу, меньше получает увечия, ни с кем не ссорится и не дерется, с семьей и соседями живет в ладах; он хотя живет бедно, но всегда спокойно и радостно. И если когда либо и теряет работу, то при помощи своего здорового ума и при содействии добрых приятелей он ее находит вновь и так продолжает свою жизнь постепенно улучшая ее.

Доказывать далее о необходимости читать полезные книги нет надобности, ибо живые факты у нас перед глазами, которые говорят за себя не языком, а своей пропавшей жизнью. Так что по моему необходимо читать, культивировать свою душу и приспособлять ее всегда к добрым поступкам, как опытный садовник культивирует фруктовые деревья которые впоследствии дадут плоды сторицею, ибо жизнь наша подобна деревьям.

Нужно беречься темноты, нужно браться за хорошие книги в которых каждый найдет истинное свое освобождение, необходимо организовать библиотеки, культурные общества, театральные кружки, вечерние курсы, вспомогательные кассы, кооперативы и т. д. Необходимо помнить раз и на всегда, что темнота это — рассадник зла и всякого насилия.

Необходимо читать и читать, благо что в настоящее время имеются добрые люди, которые указывают что именно читать, не теряя напрасно дорогого времени на книжный хлам которого имеется в изобилии везде и всюду.

К. Степанюк.

К вопросу об организации земельных общин.

В номере 281 „Голоса Труда" я прочел письмо А. Паламарчука по поводу сельско-хозяйственной коммуны „Видвага" В письме своем автор между прочим, высказывает пожелание, чтоб ему оказана была помощь в выработке устава коммуны, поясняя при этом, что названная коммуна построена на анархических началах.

К сожалению, из письма не видно, где находится „Видвага" и не указано адреса, по которому можно было бы вступить в переписку с организаторами этой коммуны, а потому я прошу редакцию „Г. Труда" поместить настоящую мою заметку на страницах газеты, полагая, что столь важный вопрос, как организация трудовых коммун может иметь общий для всех читателей интерес.

Будучи далек от мысли считать себя знатоком этого вопроса, я думаю, однако, что кое какие полезные сведения организаторы могли бы получить от меня, потому что на своем веку я сталкивался не раз с трудовыми рабочими организациями, знаю много случаев неудачных начинаний этого рода, но видал также и такие, которые достигали хороших результатов. Судьба привела меня видеть в России организованные большевиками коммуны, я воочию убедился в нецелесообразности тех основ, на которых эти коммуны были построены. С другой стороны, я жил и работал в некоторых земельных общинах, где дело шло недурно. В настоящее время тоже состою членом небольшой мною организуемой земельной общины. И вот мне хотелось бы предостеречь начинателей такого симпатичного дела, как сельско хозяйственная коммуна от тех ошибок, которые обычно делаются организаторами при возникновении коллективов. Поэтому прошу организаторов „Видваги", если конечно, им это интересно, обращаться ко мне за теми данными, которые могут потребоваться в трудную начальную пору жизни коммуны.

Располагая надлежащими агрономическими познаниями и многолетней практикой в сельском хозяйстве, я надеюсь принести кое-какую пользу своими советами и указаниями. Во всяком случае мои знания, опыты и, если-бы потребовался даже личный труд всегда к услугам всех безвластников, желающих мирно работать на поприще сельского хозяйства.

Не считая нужным пока вдаваться в подробности организации трудовой коммуны, я бы хотел лишь подчеркнуть в настоящей своей заметке, что тов. Паламарчук напрасно придает такое большое значение „уставу" коммуны. Ведь устав — это тот же закон, которому обязаны подчиняться члены коммуны. А если идет речь о подчинении, об обязанности во что бы то ни стало следовать предписаниям устава, то что же это за коммуна на анархических „началах". Это просто трудовая артель, не больше.

Я думаю, что главная суть трудового коллектива не в уставе, а в подборе членов. Только в том случае коммуна будет жизненна, если члены ее по своим убеждениям, являются подходящими друг к другу. Если же соберется 15-20 человек совершенно различных политических и нравственных воззрений, можно с уверенностью предсказать весьма близкий конец коммуны. Это — самое главное, о чем должны подумать организаторы.

Допустим, что в составе коммуны будет один большевик, один толстовец и один сторонник ассоциационного анархизма. Могут ли работать такия лица в полном согласии между собой, если большевик станет настаивать на необходимости диктатуры в коммуне, толстовец, по своим убеждениям, не признает возможным подчиниться ей, анархист же будет стремиться к проведению в жизнь своих идей, с которыми не сможет примириться большевик. Подтвердятся на практике слова Крыловской басни о том, что „когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет, и выйдет из него не дело а мука".

Так вот это одно из существеннейших условий для успеха коммуны — полная солидарность во взглядах между членами общины, без чего невозможна крепкая спайка.

Другое, тоже весьма важное обстоятельство — организационный план общинного или коммунального хозяйства. Начинать какое бы то ни было дело, не предвидя заранее, что из него может выйти, — вообще вещь рискованная. Когда же речь идет о сельско-хозяйственном предприятии то вопрос этот получает особенно серьезное значение. Раньше чем приступить к работе на земле, необходимо выяснить более или менее точно условия местного земледелия, т. е. установить, какия растения могут возделываться в данном районе, какие из них могут считаться, наиболее доходными, как велики затраты необходимые для начала дела (живой и мертвый инвентарь), наличность рабочих рук и т. п. Для составления организационного плана самое лучшее — обратиться за советом к лицу сведующему в этом деле.

Кроме того не нужно упускать из виду, что трудовая община или коммуна прежде всего стремится к обеспечению своих членов предметами первой необходимости, стараясь, по возможности, жить „трудами рук своих". Если же члены коллектива будут думать главным образом о „чистых доходах", то такое предприятие обратится в коммерческое. В этом случае мы будем иметь дело с хозяйством капиталистическим, хотя и ведущимся коллективно. Задача анархических общин должна быть чужда всяким мыслям о наживе, об извлечении крупных доходов...

Вопросы же внутренняго распорядка (разумеется тоже не маловажные) которые обыкновенно стараются предусматривать разными уставами, статутами, и даже законами, легко разрешатся самою жизнью и взаимным соглашением между членами коммуны, тем более что все они будут руководиться одним и тем же принципом а именно: „от каждого по способностям, каждому по потребностям".

АЛЕКСЕЙ АБУТКОВ.

Кого преследуют Коммунисты?

Если раньше извещалось что столько то конт-революционеров, или шпионов расстреляно, все, даже революционеры, принимали это за правду и смеялись над всяким кто утверждал, что в России преследуются больше анархисты и революционеры, чем действительные контр-революционеры; что советские тюрьмы набиты трудовой и революционной массой и что в России контр революционером может быть обозван и заклеймен и Троцкий и Зиновьев, если они осмеют иметь свое мнение.

Теперь же правды больше не скроешь: Троцкий, Зиновьев, Раковский, Пятаков и другие бывшие вожди «мирового пролетариата», не только об'явлены врагами советской власти, а еще и сосланы в тайги и на поселение. Теперь уже всем ясно что в России называть себя революционером имеет право только представитель власти: чекист, чиновник и вообще всякий принимающий и защищающий власть кучки из Кремля.

И прав был Троцкий когда сказал: «Я вижу себя вынужденным заявить что в Германии Гинденбурга имеется больше свободы, чем в Советской России. Член партии прежде чем дать свое мнение, должен сделать завещание. Аресты, высылки, домашние обыски которые совершаются и жертвами которой являются видные и известные коммунисты суть вещи неслыханные и небывалые. Сталин властвует при помощи осадного положения как глупый деспот. Ничего не понимает, и — слеп и глух. Если он не вернет России и партии свободу, произойдут вещи ужасные».

Но не так ли поступали Троцкий, Зиновьев, Раковский и иже с ними с истинными защитниками трудового народа? Не этот ли Троцкий расстреливал анархистов и левых соц. рев. и настаивал на высылке 10 анархистов из России в 1921 г.?

Эти коммунисты только пожинают плоды того что они сами засеяли.

Рафаэль Баррет.

(его жизнь и деятельность)

Движение к новому свету, к Америке, есть движение постоянное и непрерывное, которое началось уже много лет тому назад, которое продолжается теперь и возможно будет продолжаться еще много лет. Оставляют старый свет, Европу, и направляются к свету новому, с новыми надеждами и новой верой в жизнь. Притягательное слово „новый" прельщает всех и видим что направляются сюда люди разных классов, сословий и различней шей нравственности. Бедняки прибывают с надеждой найти лучшие условия работы и жизни; богачи в поисках лучших прибылей и удобств; анархисты с целью мочь жить свободно, писатели чтобы найти новые типы для своих писаний.

Все прибывают с целью найти что нибудь новое, нечто что невозможно было найти в уже старом и изношенном мире, в Европе, забывая что „нет ничего нового под луной". И прибывали, прибывали массами в надежде жить новой жизнью. Большие океанские пароходы спускали и продолжали спускать ежедневно тысячи этих мечтателей, которые вступив на американскую землю, скоро убеждались что все тут — старо в этом „новом свете". Плохое от которого они хотели бежать их настигло и здесь, ибо оно прибыло сюда вместе с Колумбом и первыми испанцами. И вместо свободы, справедливости, демократии и лучших условий труда о которых они мечтали, встречали рабство, эксплоатацию и тиранию не менее постыдные чем в Европе.

Перед вновь прибывающим в Аргентину простирались обширные аргентинские поля, — великая пампа по которой в прошедшие времена гауч носился свободно верхом на своей лошади, не зная преград, ни запрещений, останавливаясь там где ему казалось подходящим, не отдавая об этом никому отчета. Но теперь эти поля, которые могли бы дать средства к существованию миллионам людей, были загорожены и об'явлены собственностью того или другого собственника, хотя он никогда не работал на ней, а часто даже и не видал ее никогда, и который предпочитает эти поля оставлять необработанными и оставлять умирать от голода и нищеты тысячи себе подобных; т. е. встречал те же условия которые заставили его оставить старый мир. Капиталист, правитель, помещик и фабрикант установили свою власть также и в Америке и если бедный труженик не хотел умирать с голоду должен был подчиниться этим рабским условиям работы и жизни, не менее ужасным чем в Европе.

Среди этих пилигримов, которые прибывали в Америку или чтобы оставаться совсем, или чтобы вернуться через некоторое время обратно в Европу, находились также элементы которые оставляли после себя нечто неизгладимое, вечное: свой талант, свои знания и даже свою жизнь. Малатеста, Гори, Прат, и другие оставили за свое короткое пребывание в Аргентине их идеи — создав анархическое движение этих времен.

Такой же пилигримм, неизвестный в Европе и менее популярный в здешнем революционном движении, но который помимо своей прекрасной и несравнимой деятельности, оставил еще и свое здоровье и свою жизнь в этих странах, был поэт, писатель и философ, анархист Рафаэль Баррет.

Описывает Рамиро де Маэтзу, что около 1900 года появился в Мадриде молодой человек представительный, из знатной фамилии и с деньгой. Был красив и симпатичен и жил веселую но не разгульную жизнь. Вначале был хорошо принят среди аристократии, но через некоторое время остался без звонкой монеты, и, так как среди аристократии нет места беднякам, начали стараться выжить его из своей среды. Благодаря гипократству этого класса людей, никто не осмелился сказать ему что ему уже нечего делать в этой среде, и старались сделать это окольными путями, третируя его дегенератом и одержимым противо-естественными пороками. Оскорбленный этой клеветой, Баррет подверг себя медицинскому освидетельствованию и со свидетельством врача начал реабилитироваться и искать виновников этой клеветы, и в один прекрасный день, на аристократическом вечере в театре, хлыстом отстегал одного видного аристократа.

Этот инцидент и этот поступок Баррета сделали то что его деклафицировали и заставили оставить Испанию, потому что там где хрюкают свиньи, нет места песням соловья.

Высадившись в Буэнос-Айресе, без друзей, ни знакомых, он дает урок по математике и музыке, и живет в нищете. В 1904 году он переезжает в Парагвай, в Асунсион, где пишет лучшие свои вещи, как „Парагвайское горе" и "Кто такие — жербали", (работающие по сборке „жербы", — травы которую употребляют в южной Америке, как чай в Европе и других странах света).

Первое произведение составлено из лекций читанных Барретом парагвайским рабочим и полны глубоких человеческих чувств, безграничной и великой любви и несравнимых надежд и оптимизма.

„Любите — говорит в одной из них Баррет — и земля станет безграничной.

(*Окончание на 5-ой стр.*)

ПЕТР А. КРОПОТКИН.

Коммунизм и Анархия.

Свобода есть возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания (телесного, или страха голода, или даже боязни порицания, если только оно не исходит от друга).

Понимая Свободу в этом смысле — а я сомневаюсь, чтобы можно было дать ей другое, более широкое, и вместе с тем более вещественное определение — мы должны признать, что коммунизм, действительно может уменьшить, и даже убить личную свободу. Таким его и проповедывали под предлогом, что это принесет счастье человечеству, и во многих коммунистических общинах это пробовали на деле. Но коммунизм также может расширить эту свободу до ее последних пределов которых невозможно достигнуть при индивидуалистском труде и еще менее при том строе, когда людей эксплоатируют и рассматривают как низшие существа.

Все будет зависеть от того, с какими основными воззрениями мы приступим к коммунизму. Сама коммунистическая форма общежития отнюдь не обусловливает подчинения личности. Больший же или меньший простор, предоставленный личности в данной форме общежития, — если только жизнь не устроена заранее в поднachальной, пирамидальной форме, — определяется теми воззрениями на необходимость личной свободы, которые вносятся людьми в то или другое общественное учреждение.

Сказанное справедливо по отношению ко всякой форме общественной или совместной жизни. Когда два человека селятся вместе в одной квартире, их совместная жизнь может привести одинаково — либо к подчинению одного из них другому, либо к установлению между ними отношений равенства и свободы для обоих. То же самое происходит в семье. То же самое будет, если мы возьмемся вдвоем копать огород, или издавать газету; и то же самое относится ко всякому другому союзу, большому или маленькому, к артели и ко всякой форме общественной жизни. Таким образом, в десятом, одиннадцатом и двенадцатом веке, в городах того времени создавались общины вольных и равных и равно свободных людей, причем эти общины ревностно охраняли свою свободу и равенство; но в тех же самых общинах, четыреста лет спустя, народ, под влиянием учений Церкви и Римского Права, требовал диктатуры какого-нибудь монаха, или короля. Учреждения городского суда, целое устройство и прочее остались те же; но тем временем, в городах развились понятия Римского Права, верховной Церкви и Государственного права, тогда как первоначальные понятия о равенстве, третейском суде, о свободном договоре и о личном почине притупились, исчезли; — и из этого родилась рабская приниженность семнадцатого и начала восемнадцатого века во всей средней Европе.

В современном обществе, где никому не позволяется обрабатывать поле, работать на фабрике, или пользоваться орудием труда, без того, чтобы не признать себя существом, подчиненным какому-нибудь господину, — рабство, подчинение и привычка к кнуту навязываются самой формой общества. Наоборот, в коммунистическом обществе, которое признает право каждого, на равных условиях, на все орудия труда и на все средства существования, которые имеет общество, — уже нет людей на коленях перед другими, кроме разве тех, кто по своему характеру являются добровольными рабами. Каждый считается равным другому в том, что касается его права на благополучное существование лишь бы он не преклонялся перед волей и высокомерием других и поддерживал равенство во всех своих личных сношениях с товарищами по коммуне.

В самом деле, если присмотреться внимательнее, то нет никакого сомнения, что из всех учреждений, из всех испробованных до сих пор форм общественной организации, коммунизм еще больше всех других может обеспечить свободу личности, — если только основною идеею общины будет полная Свобода, отсутствие власти, — Анархия.

Коммунизм, как учреждение экономическое, может принять все формы, начиная с полной свободы личности и кончая полным порабощением всех — между тем как другие формы общественной жизни не могут проявляться безразлично в том или другом виде: те из них, например, которые не признают гражданского и имущественного равенства, неизбежно влекут за собою порабощение одних людей другими. Коммунизм-же может проявиться, например, в форме монастыря, в котором все монахи безусловно подчиняются воле настоятеля; но он может также выразиться и в форме вполне свободного товарищества, в котором каждый член сохраняет полнейшую независимость: причем само товарищество существует только до тех пор, покуда его члены желают оставаться вместе, и, нисколько не стремясь накладывать принуждение, стараются наоборот защищать свободу каждого и увеличивать и расширять ее во всех направлениях.

Коммунизм, конечно, может быть начальническим, принудительным, — и в этом случае, как показывает опыт, община скоро гибнет, — или же он может быть анархическим. Тогда как государство, будь оно основано на крепостном праве или же на коллективизме и коммунизме, роковым образом должно быть принудительным. Иначе оно перестает быть государством!

Оно не может присвоивать себе, по желанию, ту или иную форму. Те, кто думает, что это возможно, придают слову „государство" произвольный смысл, противоречащий происхождению и многовековой истории этого учреждения. Государство есть ярко выраженный тип иерархического учреждения, выработанного веками для того, чтобы подчинить всех людей и все их возможные группировки централизованной воле.

Государство по необходимости основано на принципе иерархии, начальства, иначе оно перестает быть государством.

Есть еще один весьма важный пункт, который должен обратить на себя внимание каждого, кто дорожит свободой. Теперь уже начинают понимать, что без коммунизма человек никогда не достигнет полного развития личности, которое составляет, может быть, самое пламенное желание каждого мыслящего существа. Очень вероятно, что этот существенный пункт был бы давно признан, если бы люди не смешивали индивидуализацию, т.е., полного развития личности, с индивидуализмом. А последний, — это давно пора признать, — есть ничто иное, как буржуазный лозунг: „каждый для себя, и Бог для всех", причем буржуазия думала найти в этом средство освободиться от общества, налагая на рабочих экономическое рабство под покровительством государства. Впрочем теперь она уже замечает, что сама также стала рабом государства.

Что коммунизм лучше всякой другой формы общежития может обеспечить экономическую свободу — ясно из того, что он лучше, чем всякая другая форма производства, может обеспечить каждому члену общества благосостояние, и даже удовлетворение потребностей роскоши, требуя взамен не более четырех или пяти часов работы в день, вместо того, чтобы требовать от него десять, или девять, или хотя бы даже восемь часов в день. Дать каждому досуг, в течение десяти или одиннадцати часов из тех шестнадцати часов в сутки, которые представляют нашу сознательную жизнь (около восьми часов надо положить на сон) — уже значит расширить свободу личности настолько, что такого расширения человечество добивается, как идеала, вот уже сколько тысяч лет. Раньше, это было невозможно, так что всякое стремление к комфорту, богатству и прогрессу должно было быть исключено из коммунистического общества. Но в настоящее время, при наших могучих способах машинного производства, это вполне возможно. В коммунистическом обществе человек легко сможет иметь каждый день полных десять часов досуга, и вместе с тем пользоваться благосостоянием. А такой досуг уже представляет освобождение от одной из самых тяжелых форм рабства, существующих теперь в буржуазном строе. Досуг, сам по себе, уже составляет громадное расширение личной свободы.

Затем, — признать всех людей равными и отречься от управления человека человеком, опять-таки представляет расширение свободы личности; причем мы не знаем никакой другой формы общежития, при которой это увеличение личной свободы могло бы быть достигнуто в той же мере, даже в мечтах. Но достичь этого возможно будет лишь тогда, когда первый шаг будет сделан: — когда каждому члену общества будет обеспечено существование, и когда никто не будет вынужден продавать свою силу и свой ум тому кто соблаговолит воспользоваться этой силой ради собственной наживы.

Наконец, — признать, как это делают коммунисты, — что первое основание всякого дальнейшего развития и прогресса общества есть разнообразие занятий, — опять таки представляет расширение свободы личности. Если мы так организуем общество, что каждый его член будет совершенно свободен и сможет отдаваться, в часы досуга, всему, чему ему вздумается в области науки, искусства, творчества, общественной деятельности и изобретения; и если в самые часы работы будет возможно работать в разнообразных отраслях производства, воспитание будет ведено сообразно этой цели — в коммунистическом же обществе это вполне возможно, — то этим достигнется еще большее увеличение свободы, так как перед каждым из нас широко раскроется возможность расширить свои личные способности во всех направлениях. Области, прежде недоступные, как наука, художество, творчество, изобретения, и так далее, откроются для каждого.

В какой мере личная свобода осуществится в каждой общине, или в каждом союзе общин, будет зависеть исключительно от основных воззрений, которые возьмут верх при основании общин. Так например, мы знаем одну религиозную общину, в которой человеку возбранялось даже выражать свое внутреннее состояние. Если он чувствовал себя несчастным, и горе выражалось на его лице, к нему немедленно подходил один из „братьев" и говорил: „Тебе грустно, брат? А ты все-таки сострой веселое лицо: иначе огорчительно подействуешь на других братьев и сестер". И мы знаем также одну английскую общину, состоявшую из семи человек, в которой один из членов — Кочкаревы водятся и между социалистами — требовал назначения председателя („с правом бранить") и четырех комитетов: садоводства, продовольствия, домашнего хозяйства и вывоза, с абсолютными правами для председателя каждого из комитетов.

Есть, конечно, общины, которые были основаны, или были переполнены впоследствии, такими „преступными фанатиками власти" (особый тип, рекомендуемый ученикам доктора Ломброзо); и не мало общин было основано фанатиками „поглощения личности обществом". Но такие коммуны произвел не коммунизм. Их породило Церковное Христианство (глубоко-начальническое в своих основных началах) и Римское Право, — то-есть государство и его учения. Таково государственное воспитание людей, привыкших думать, что никакое общество не может существовать без судьи и ликторов, вооруженных розгами и секирою, — и эта идея останется постоянной угрозою и помехою коммунизму, пока люди не отделаются от нее. Но основное начало коммунизма — вовсе не начальство, а то простое утверждение, что для общества выгоднее и лучше овладеть всем, что нужно для производства и жизни сообща, не высчитывая, что каждый из нас произвел и потребил. Это основное понятие ведет к освобождению, к свободе, а не к порабощению.

Коммунизм — учреждение хозяйственное; и, как таковое, он отнюдь не предрешает, какая доля свободы будет предоставлена в общине личности, почину личности и отпору, который встретят в отдельных личностях стремление к утверждению навеки, однажды установленных обычаев. Коммунизм может стать поднachальным, и в таком случае община неизбежно гибнет; и он может быть вольным, и привести в таком случае, как это случилось даже при неполном коммунизме в городах двенадцатого века, к зарождению новой цивилизации, полной сил и обновившей тогда Европу.

Из этих двух форм коммунизма — вольного и поднachального — только тот и будет устойчивым и будет иметь задатки прогресса и жизни, который, принимая во внимание стесненность теперешней жизни, сделает все, что возможно, чтобы расширить свободу личности во всех возможных направлениях.

В этом последнем случае, свобода личности, увеличенная приобретенным ею досугом, а также возможностью обеспечить себе благосостояние и вольным трудом при меньшем числе рабочих часов, так же мало пострадает от коммунизма, как и от проводимого теперь в городах газа и воды, от продуктов, посылаемых на дом большими магазинами, от современной гостиницы, или от того, что мы теперь, в часы работы, вынуждены вести ее сообща с тысячами других людей.

Имея анархию, как цель и как средство, коммунизм станет возможен, тогда как без этой цели и средства, он должен обратиться в закрепощение личности и, следовательно, привести к неудаче.

Н. К. ЛЕБЕДЕВ.

П. А. КРОПОТКИН.

Переехав летом 1918 г. из Москвы в Дмитров, П. А. оказался почти буквально отрезанным от всего мира, и он нередко с горечью говорил, что в Дмитрове он чувствует себя гораздо оторваннее от мира, чем во французской тюрьме Клерво.

В Дмитрове П. А. начал писать свою книгу об «этике», которую он задумал давно. Но писать такой труд, как «этика» и излагать историю и развитие учений о нравственности, живя в захолустном Дмитрове, было делом весьма нелегким. Под руками у П. А. почти не было никаких книг. Вся его библиотека осталась в Лондоне. Малейшая справка требовала много времени и иногда сильно тормозила работу. За неимением средств, П. А. не мог покупать нужные ему книги, не имел возможности взять себе секретаря или переписчицу-машинистку. Всю черновую работу по переписке рукописей он вынужден был делать сам, а переписывал он иногда по четыре-пять раз... конечно, все это отзывалось на его здоровье.

С переездом в Дмтров, П. А., быть может вследствие недостаточности питания, стал часто чувствовать физическое недомогание. Так, в своем письме ко мне от 21 января 1919 г. он, между прочим, пишет: «работаю усердно над этикой, но сил маловато, приходится иногда прерывать...»

Ко всему этому примешивался еще и целый ряд других неблагоприятных обстоятельств; так, долгое время П. А. приходилось работать по вечерам при плохом освещении маленькой керосиновой пятилинейной лампы... вследствие недостатка керосина. (В 1920 г. дмитровские кооператоры провели в доме П. А. электрическое освещение).

Тяжело и больно вспоминать, в каких условиях русской действительности пришлось П. А. провести последние годы своей жизни. Родина, которую он любил безграничной любовью и от которой он был оторван в течение сорока одного года, не смогла скрасить последние дни великого революционера и изгнанника.

Неблагоприятные условия жизни отчасти помешали П. А. написать и закончить вполне свой труд по «этике». «Этика» является лебединой песнью великого революционера и социалиста. Она представляет как бы венец и заключение всех его научных, философских и социальных взглядов, к каким он пришел в конце своей долгой и необычайной жизни.

Вопросами морали П. А. начал интересоваться еще в восьмидесятых годах прошлого столетия, но особенно большое внимание он стал уделять вопросам нравственности в последние десятилетия прошлого века, когда в литературе и в философии начали раздаваться голоса, что нравственность не нужна, и когда стало распространяться сильно учение аморализма Ницше. Одновременно с этим многие представители науки и философской мысли, под влиянием узко понятого учения Дарвина, выступили с утверждением, что в мире царит лишь один всеобщий закон — «закон борьбы за существование», и этим утверждением как бы подкрепляли философский аморализм.

П. А., чувствуя всю ложность таких выводов, поставил своей целью доказать, что с научной точки зрения природа «не аморальна», «не учит человека злу», и что нравственность представляет естественный продукт эволюции социальной жизни не только человека, но и почти всех живых существ, у большей части которых мы встречаем уже некоторые начатки моральных отношений.

Еще в 1890 г. П. А. прочитал в «Анкотском Братстве», в Манчестере, лекцию на тему «Справедливость и Нравственность», а несколько времени спустя эту же лекцию, в несколько измененном виде, он повторил в Лондонском Этическом обществе.

Считая основой нравственности «взаимную помощь», П. А., как мы уже говорили выше, написал в период 1891—96 г.г. ряд очерков о взаимной помощи среди животных и людей; эти очерки являются как бы введением к его учению о нравственности.

В 1904—1905 г.г. П. А. написал по-английски два очерка, посвященные непосредственно вопросам морали — «Необходимость нравственности в наши дни» и «Нравственность в природе». Эти очерки

вошли в состав первого тома «Этики». Около этого же времени он написал по-французски брошюру „*La morale anarchiste*" (Анархическая мораль). В этой брошюре, П. А., призывая человека к активному действию, подчеркивает, что человек должен помнить, что сила его не в одиночестве, а в союзе с своими ближними, с народом, с трудящимися массами. В противоположность анархическому индивидуализму, он стремился создать *социальную* мораль, этику общественности и солидарности. Разработке основ этой этики П. А. и посвятил последние годы своей жизни.

В своем последнем труде «Этика» П. А. хотел дать ответ на два основных вопроса морали: откуда берутся в человеке нравственные понятия? и к чему стремятся нравственные предписания и нормы? Вследствие этого, П. А. разделил свой труд на две части: в первой он разбирает вопрос о происхождении и историческом развитии нравственных понятий, а во второй предполагал изложить основы реалистической этики и ее цели.

К сожалению, П. А. успел написать лишь первую часть своего труда и то не в вполне законченном виде; несколько глав, в которых должны быть изложены этические учения Штирнера, Ницше, Толстого и других современных выдающихся моралистов, остались ненаписанными. Для второй части «Этики» П. А. написал лишь несколько предварительных очерков и заметок. Но и в том виде, в каком осталась после его смерти «Этика», мы можем вполне ясно представить себе сущность этического учения Кропоткина.

Этическое учение Кропоткина сводится к следующему: весь прогресс человечества неразрывно связан с жизнью общественной; жизнь в обществе естественно и неизбежно порождает у людей, и даже у животных, инстинкт *общительности*, взаимопомощи, которые в дальнейшем своем развитии у людей претворяются в чувство доброжелательности, симпатии и любви.

Из этих чувств и инстинктов и берет свое начало человеческая нравственность или совокупность моральных чувствований, понятий и представлений, которые в конце концов, выливаются в основное правило всех нравственных учений — «не делай другим того, чего не хочешь, чтобы другие делали тебе».

Но не делать другим того, что не желаешь, чтобы другие делали тебе, — еще не есть полное выражение нравственности, — прибавляет П. А. — Это правило является лишь выражением *справедливости*, равноправия. Высшее нравственное сознание не может удовлетворяться этим, и П. А. считает, что основным элементом нравственности, вместе с чувством *солидарности* и понятием *справедливости*, является нечто, что люди называют великодушием, самоотвержением или *самопожертвованием*. *Взаимная помощь, Справедливость и Самопожертвование* — таковы три элемента человеческой морали, согласно теории Кропоткина.

Не имея характера необходимости и всеобщности логических законов, эти три элемента нравственности, тем не менее, по мнению П. А., могут быть положены в основу реалистической этики, которая должна рассматриваться как «физика нравов». Они являются составной и естественной частью нашей организации и игнорировать их человек не может, даже если бы он и захотел это сделать.

Отрицая связь этики с религией и метафизикой, П. А. хотел обосновать этику на чисто-естественных основах и стремился доказать, что только оставаясь в мире действительности можно найти силу для истинно-нравственной жизни.

Этическое учение Кропоткина можно охарактеризовать как учение *братства*, хотя слово «братство» почти не встречается в книге Кропоткина. П. А. не любил употреблять слово «братство» и заменял его термином «солидарность». Солидарность, по его мнению, представляет нечто более реальное, чем братство. В доказательство этой мысли он нередко указывал, что очень часто братья враждуют между собою и даже ненавидят друг друга. По библейской легенде, история человеческого рода начинается именно с братоубийства. Понятие же солидарности выражает органическое отношение между элементами каждого живого существа, а в мире моральных отношений солидарность выражается в сочувствии, сострадании и симпатии. Солидарность вполне согласуется с свободой и равенством, при чем солидарность и равенство являются необходимыми условиями *социальной справедливости*. Отсюда этическая формула Кропоткина: «без равенства нет справедливости, а без справедливости нет нравственности».

———

Оторванность от культурного мира, хозяйственная разруха родной страны и другие неблагоприятные условия русской жизни периода 1918—1920 г. г. действовали угнетающим образом на П. А. Проживший более сорока лет в культурной Англии, привыкший к общению с самыми передовыми и выдающимися людьми всего мира, П. А., запертый в глухом Дмитрове, куда с большим трудом можно было добраться из Москвы, в одиночестве переживал тяжелые годы. Великий немецкий поэт Гете говорил, что человек умирает тогда, когда он не хочет больше жить, т. е. тогда, когда вся жизненная энергия организма, которая постоянно поддерживает стремление к жизни, иссякнет до последней капли, и когда у человека не останется больше стимула к жизни; доживая до такого момента, человек не имеет в себе воли к жизни и он умирает, так как не может больше жить...

П. А., благодаря всей обстановке, в которой он находился, уставал, и на его жизнерадостном, всегда светлом, лице все чаще и чаще появлялись грустные тени заката...

Обычно П. А. старался быть веселым, старался утешать и ободрять других, но в душе он чувствовал, что его дни уже сочтены.

В июле 1920 г., в один из моих приездов в Дмитров, П. А., после общей беседы за чайным столом, позвал меня в свой крохотный кабинет и там вдруг, неожиданно, заговорил со мной о своей близкой смерти

«Чувствую,—сказал он,—что мне немного остается жить... сердце отбивает последние удары...» И затем он заговорил со мною о том, как ему хотелось бы, что бы было поступлено с его бумагами и рукописями после его смерти.

На мои возражения, что опасения, быть может, напрасны, П. А. с грустью взглянул мне в глаза и тихо сказал: «не утешайте... я чувствую близкий конец...»

Этот роковой конец пришел через шесть месяцев... Простая случайность ускорила развязку: в начале января 1921 г. П. А. простудился в холодной комнате и заболел воспалением легких. Болезнь продолжалась почти месяц и П. А. медленно угасал... его силы с каждым днем таяли и уменьшались, и он, с полным сознанием неизбежности смерти, ждал рокового исхода; только раз за все время болезни он как то сказал ухаживавшей за ним сестре милосердия: «какой тяжелый процесс умирание». В минуты же временного улучшения П. А. старался вселить бодрость в окружавших его родных и друзей, делился своими воспоминаниями и расспрашивал о текущих событиях русской жизни.

В начале февраля, после короткого улучшения, болезнь снова усилилась, и во вторник, 8 февраля, в 3 часа 10 минут утра, сердце великого революционера и гуманиста перестало работать...

Тело П. А. было привезено 10 февраля в Москву и было выставлено на три дня в колонном зале Дома Союзов (бывшее благородное собрание), где семьдесят один год тому назад началась его карьера (бал в честь Николая I и зачисление П. А., по распоряжению царя, в кандидаты пажеского корпуса). 13 февраля состоялись гражданские похороны. П. А. похоронен на новом кладбище Новодевичьего монастыря.

П. А. КРОПОТКИН.

Анархия и Революция.

Не входя здесь в анализ различных революционных движений, подтверждающих нашу точку зрения, достаточно будет сказать что мы понимаем будущую социальную революцию, не как якобинскую диктатуру, не как изменение общественных учреждений, сделанное Конвентом, парламентом или диктатором. Никогда революция не делалась таким образом, и если рабочее восстание действительно примет этот оборот, оно будет осуждено на гибель, не дав никаких продолжительных результатов.

Мы, наоборот, понимаем революцию, как народное движение, которое примет широкие размеры, и во время которого в каждом городе и в каждой деревне той местности, где идет восстание, народные массы сами примутся за работу перестройки общества. Народ — крестьяне и городские рабочие — должен будет *начать сам строительную и воспитательную работу, на более или менее широких коммунистических началах, не ожидая приказов и распоряжений сверху*. Он должен будет прежде всего, устроить так что бы прокормить и разместить все население и затем производить именно то, что будет необходимо для питания размещения и доставления одежды всем.

Что же касается правительства, образовавшегося силой, или выбранного, то, будь то „диктатура пролетариата", как говорили в 40-х годах во Франции и говорят еще теперь в Германии, или будь то „временное правительство", одобренное или выбранное, или „Конвент", — мы не возлагаем на него никакой надежды. Мы говорим, что оно не сможет сделать ничего [1]).

Не потому, что таковы наши симпатии, а потому, что вся история нам говорит, что никогда еще люди, выброшенные революционной волной в правительство, не были на высоте положения. Да они и *не могут* быть на высоте положения; потому что в деле перестройки общества на новых началах, отдельные люди, как бы умны и преданы они ни были, должны во всяком случае быть бессильны. Для этого требуется *коллективный ум народных масс, работающих над конкретными вещами*: над возделываемым полем, обитаемым домом, фабрикой на ходу, железной дорогой, вагонами такой-то линии, пароходами и т. д. [2]).

Отдельные люди могут найти законное выражение или формулу для разрушения старых форм общежития, когда это разрушение уже начало совершаться. Они могут, самое большее, немного расширить эту разрушительную работу и распространить на всю территорию то, что происходит только в одной части страны. Но навязать эту ломку законом — совершенно невозможно, как это доказала, между прочим, вся история революции 1789 — 1794 годов.

Что же касается до *новых* форм жизни, которая начнет зарождаться после революции на развалинах предыдущих форм, то никакое правительство никогда не сможет найти их выражения, *пока эти формы не определятся сами по себе в построительной работе народных масс, в творческом процессе, в тысяче пунктов зараз*. Кто догадался, кто мог бы действительно догадаться до 1794 года о роли, какую будут играть муниципалитеты, Парижская Коммуна и ее секции в революционных событиях 1789—1790 годов? Будущее не поддается законодательству. Все, что возможно, это—догадываться о его главных течениях и очищать для них дорогу. Именно это мы и стараемся делать.

Очевидно, что при таком понимании задач социальной революции, анархизм не может чувствовать симпатии к программе, которая ставит себе цель „завоевание власти в современном государстве".

Мы знаем, что мирным путем это завоевание невозможно. Буржуазия не уступит своей власти без борьбы. Она не позволит свалить себя без сопротивления. Но, по мере того, как социалисты станут частью правительства и разделят власть с буржуазией, и их социализм должен будет неизбежно побледнеть; он уже побледнел. Без этого, буржуазия, которая гораздо сильнее, численно и интелектуально, чем это говорится в социалистической прессе, не признает их права разделить с нею ее власть.

С другой стороны, мы также знаем, что еслибы восстание сумело дать, Франции, Англии, или Германии, временное социалистическое правительство, то оно, без построительной деятельности самого народа, было бы совершенно бессильно и скоро бы сделалось препятствием, тормозом революции. Оно стало бы ступенькой для диктатора, представителя реакции.

Изучая подготовительные периоды революций, мы приходим к заключению, что ни одна революция не вытекла из сопротивления, или из нападения парламента, или какого либо другого представительного собрания. *Все революции начинались в народе*. И никогда, ни одна революция не появлялась вооруженною с головы до ног, как Минерва, выходящая из головы Юпитера. Все они имели, кроме подготовительного периода, свой период эволюции, в течение которого народные массы, формулировав свои, в начале очень скромные, требования, проникались мало по малу, очень медленно, все более и более революционным духом. Они становились смелей, дерзновенней, чувствовали более доверия к своим силам и, выйдя из летаргии отчаянья, постепенно расширяли свою программу. Требовалось *время*, пока их, вначале „смиренные представления" становились потом революционными требованиями.

Действительно, во Франции потребовалось не менее четырех годов, с 1789 по 1793 год, чтобы создалось республиканское меньшинство, достаточно сильное, чтобы захватить в руки власть.

Что-же касается до подготовительного периода, мы его понимаем следующим образом:—Сначала отдельные личности, глубоко возмущенные тем, что они видели вокруг себя, восставали поодиночке. Многие из них погибали без всяких видимых результатов, но равнодушие общества было уже поколеблено, благодаря этим отдельным героям.

Даже самые довольные и ограниченные люди бывали вынуждены спросить себя, — ради чего эти молодые, честные, полные сил люди отдавали свою жизнь? Равнодушным более нельзя было оставаться,—нужно было высказаться за или против. Мысль работала.

Мало по малу небольшие группы людей также проникались революционным духом. Они восставали, — иногда с надеждой на частичный успех, чтобы выиграть, например, стачку и получить хлеба для своих детей, или чтобы отделаться от какого-нибудь ненавистного чиновника, — но также часто и без всякой надежды на успех, просто возмущенные, потому что невозможно было дольше терпеть. Не одно, не два и не десять таких восстаний, но сотни бунтов, предшествуют каждой революции. Есть пределы всякому терпению. Это мы хорошо видим в Соединительных Штатах в настоящий момент.

Часто указывают на *мирное* уничтожение крепостного права в России. Но при этом забывают, или не знают, что освобождению крестьян предшествовал длинный ряд крестьянских бунтов, которые и привели к уничтожению крепостного права. Волнения начались еще в 50-х годах —может быть как отклик революции 1848 года, или крестьянских восстаний в Галиции в 1846 году—и каждый год они распространялись все шире и шире в России, становясь все серьезнее и принимая ожесточенный, неслыханный дотоле характер. Это продолжалось до 1857 года, когда Александр II выпустил, наконец, свое письмо к литовскому дворянству, содержащее обещание освободить крестьян. Слова Герцена: „лучше дать освобождение сверху, чем ждать, когда оно придет снизу",— слова, повторенные Александром II перед крепостническим дворянством Москвы, не были пустой угрозой: они отвечали действительности.

То же самое происходило, еще в большей степени, при приближении каждой *революции*. Можно сказать, как общее правило, что характер каждой революции определялся характером и целью предшествовавших ей восстаний. Даже больше. Можно установить, как исторической факт, что никогда ни одна серьезная политическая революция не могла совершиться, если — после начала революции — она не продолжалась в ряде местных *восстаний*, и если брожение не принимало характера именно *восстаний*, вместо характера *индивидуальной* мести, как это произошло в России в 1906 и 1907 годах.

Ждать поэтому, чтобы *социальная* революция наступила без того, чтобы ей предшествовали восстания, определяющие характер грядущей революции, лелеять эту надежду — детски нелепо. Стремиться помешать этим восстаниям, говоря, что подготовляется всеобщее восстание, уже преступно. Но стараться убедить рабочих, что они получат все блага социальной революции, ограничиваясь избирательной агитацией, и изливать всю свою злобу на акты частичных восстаний, когда они происходят у народов исторически-революционных, это — значит, самим становиться препятствием для революции и всякого прогресса — препятствием столь же отвратительным, каким всегда была христианская церковь.

———

Не входя в дальнейшее обсуждение принципов анархизма и анархической программы действий, сказанного вероятно уже достаточно для того, чтобы определить

[1]) „Ничего живучего", следовало бы сказать. Но я оставляю эти страницы так, как они были написаны в 1912 году, восемь лет тому назад. (прим. 1920 года).

[2]) В большой стачке, вспыхнувшей в Сибири на великом сибирском пути сейчас же после Японской войны, мы имеем поразительный пример того, что может дать коллективный ум масс, подтолкнутый событиями, если он работает над теми самыми вещами, которые нужно перестраивать. Известно, что весь личный состав этой огромной линии от Уральского хребта до Харбина, на протяжении свыше 6500 верст, забастовал в 1905 году. Стачечники заявили об этом главнокомандующему армией, старику Линевичу, прибавив, что они сделают все, чтобы быстро переправить войска на родину, если генерал будет уславливаться каждый день с Стачечным Комитетом о числе людей, лошадей, багажу, отправляемых в путь. Генерал Линевич принял это. В результатом этого было то, что втечение десяти недель, пока стачка продолжалась, возвращение войск на родину происходило с большим порядком, с меньшим количеством несчастных случаев и с гораздо большей быстротой, чем когда-либо раньше. Это было настоящее народное движение, — рабочие и солдаты, отбросив всякую дисциплину, работали вместе над этой громадной переправкой сотен тысяч людей.

место, занимаемое анархией в ряду современных человеческих знаний.

Анархия представляет собой попытку приложить обобщения, полученные индуктивно-дедуктивным методом естественных наук, к оценке человеческих учреждений. Она является также попыткой угадать на основании этой оценки, по каким путям пойдет человечество к свободе, равенству и братству, чтобы получить наибольшую возможную сумму счастья для каждой из единиц, в человеческих обществах.

Анархизм есть неизбежный результат того умственного движения в естественных науках, которое началось к концу восемнадцатого века, было замедлено торжествующей реакцией в Европе после краха французской революции, и началась вновь в полном расцвете своих сил в конце пятидесятых годов. Корни анархизма—в естественно-научной философии восемнадцатого века. Но он мог получить свое полное обоснование лишь после возрождения наук, имевшего место в начале второй половины 19-го века, и давшего новый толчек к изучению человеческих учреждений и обществ на естественно-научной основе.

В политической экономии, анархизм пришел к заключению, что действительное зло не в том, что капиталист присваивает себе „прибавочную стоимость" или чистый барыш, но в самом факте, что этот чистый барыш или „прибавочная стоимость" возможны. „Прибавочная стоимость" существует только потому, что миллионы людей не имеют, чем кормиться, если они не продадут свою силу и свой ум за цену, которая сделает чистый барыш или прибавочную стоимость возможными. Вот, почему мы думаем, что в политической экономии следует, прежде всего, изучать *главу о потреблении*, и что в революции первым долгом ее будет перестройка потребления таким образом, чтобы жилище, пища и одежда были обеспечены для всех. Нанипредке в 1793—1794 г.г. это хорошо поняли.

Что-же касается „производства", то оно должно быть организовано так, чтобы, прежде всего, первые потребности всего общества были как можно скорее удовлетворены. Поэтому анархия не может видеть в грядущей революции простую замену денежных знаков „трудовыми марками", или замену теперешних капиталистов капиталистическим государством. Она видит в революции первый шаг к *свободному коммунизму*, без государства.

Прав ли анархизм в своих заключениях? Это нам покажет, с одной стороны, научная критика его основ, а с другой — практическая жизнь. Но есть один пункт, в отношении которого анархизм вне всякого сомнения совершенно прав. Это тот, что он рассматривает изучение общественных учреждений, как один из отделов естественных наук; что он распрощался навсегда с метафизикой и взял себе, в качестве метода мышления, тот метод, который послужил к созданию современной науки и материалистической философии нашей эпохи. Вследствие чего, если анархисты впадут в своих умозаключениях в какие либо ошибки,— им гораздо легче будет признать их. Но те, кто желает проверить наши заключения, должны помнить, что это возможно только при помощи научного, индуктивно-дедуктивного метода, на котором основывается каждая наука и развивается все научное мировоззрение.

Некоторые жертвы большевистского правительства.

(АНАРХИСТЫ).

ЗАМЕЧАНИЕ.—Настоящий список далеко не полон. В него вошли, главным образом, некоторые, НЕДАВНО пострадавшие анархисты, разных течений, а также некоторые, особенно типичные или возмутительные, старые случаи.

АРТЕМЕНКО Константин. Рабочий. Находится, в настоящее время, в ссылке в деревне Инкино, Колпаческого уезда, Томской губ. (Нарымск. край).

АКИМОВ, Д. Рабочий. Находится в ссылке в Кара-Киргизской республике.

АСТУНИН, П. В ссылке в Архангельске.

АХРАМЕЕВ, И. Крестьянин. После продолжительного тюремного заключения, находится в ссылке в Усть Сысольске, Кемской области (область Кемь) (Сибирь). По сведениям от товарищей, душевно заболел.

АЛИМОВ, Находится в ссылке в Нарымском крае.

БАРОН АРОН, Его случай очень известен. После ареста в 1920 г., пережил невероятные мытарства по тюрьмам и местам ссылки. Находится сейчас, больной, в Енисейске (Туруханский край)

БЕЛЯЕВ, Николай. Рабочий. Его случай известен. После ареста в 1921 г., после безпрерывных мытарств по тюрьмам и местам ссылки, находится сейчас в Кзыл-Орде, Казакстан, Киргизская республика. По последним сведениям снова арестован.

БЛЮМИН, Лев. Только что окончил свой срок в гор. Березове (крайний север) и снова выслан в гор. Пермь.

БУДАРИН, И. Рабочий. Арестован в 1926 г. в Ленинграде. Находится в ссылке в гор. Новосибирске (Сибирь).

БЕЛАШ, Виктор. Рабочий. Арестован в 1920 г. В ссылке в Ташкенте.

БИРЮЛИН, Михаил. Рабочий. Арестован в 1920 г. В ссылке в Усть-Сысольске, обл. Кемь (Сибирь).

БАРОНИНА, Екатерина. Работница. Арестована летом в 1920 г. в Ленинграде. В ссылке в Туркестане.

БРЕЙНИН. Находится в Тобольском политизоляторе.

БЕЛЯЕВ, Артем. Рабочий. (Брат Беляева Николая). Из Тобольского политизалятора перевезен в Кзыл-Орду, где недавно снова арестован.

БРОНЗИВ, Находится в гор. Мезень Архангельской губ.

БОРОВИКОВ. А. Арестован во Владивостоке в октябре 1926 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

БЯНЕМИН, Л. В ссылке, в гор. Березове (крайний север).

ДОЦЕНКО. Рабочий. Арест. в 1921 г. Находится в Тобольском политизоляторе.

ДОЛИНСКИЙ. Ефим. Рабочий. Арестован давно. После долгих мытарств по тюрьмам и ссылкам находится в политизалятора в Верхне-Уральске (Сибирь)

ДЬЯКОВ, Рабочий. Находится в Тобольском политизоляторе.

ЕЛИСЕЕВА, Л. Находится в ссылке в гор. Архангельске.

ФЕДОРОВ-ПУНЦОВ, А. Рабочий. Арестован в 1920 г. Находится в Ярославском политизоляторе.

ФУРМЕТ, С. Участник партизанской борьбы против Колчака. Член группы анархистов-коммунистов гор. Владивостока. Арестован в октябре в 1920 г. Дальнейшая судьба неизвестна.

ФИСУН Рабочий. Находится в Тобольском политизоляторе.

ФЕДЕРМЕЕР. Арестован недавно. Судьба неизвестна.

ГАЙДОВСКИЙ С. и его ПОДРУГА- известные в России эсперантисты. Арестованы 25 сентября 1925 г., в Москве. В настоящее время в ссылке в Джамбетта Уральской губ.

ГОЛУБЕВА, Анна, арестована летом 1926 г. в Ленинграде. Находится в Новосибирске. (Сибирь).

ГУСЕВ, Крестьянин. Находится в Тобольском политизоляторе.

ГРОМОВ, Рабочий, находится в Тобольском политизоляторе.

ГОЛОУЛЬНИКОВ. Арестован летом 1926 г. в Ленинграде. По последним сведениям находится в тюрьме, в Тюмени.

ГРИГОРЬЕВ. Крестьянин. По последним сведениям, находится в Ярославском политизоляторе. Покушался на самоубийство в ноябре 1926 г.

(Продолжение следует).

Свободная мысль и диктатура.

Средство тиранов было и есть одно:

Задушить в народе самую элементарную потребность и развития свободной мысли.

„Вольнодумство", является в глазах правящей касты каким-то страшилищем, которое не дает им покоя... Всякий диктатор претендует на то, что лишь только он здраво мыслит и управляет «разумно» страной. В сущности же, ни один из диктаторов не управляет страной; он управляет широкой трудовой массой держа ее в ежевых рукавицах.

Всякие попытки инакомыслящих внести луч света и правды в трудовые массы жестоко караются суровой рукой деспотической власти; и много-милионное население должно молчать, не говорить, ни даже думать...

История свободной мысли имеет массу трагических страниц. Много свободомыслящих людей было убито, замучено в тюрмах, в ссылке, на каторгах, которые сеят в народной массе семя свободной мысли, ибо свободная мысль несет народную волю, а народная воля, творит жизнь: жизнь живую, кипучую и гармоничную где каждый гражданин чувствует себя вольно и раздольно, и каждый стремится украсить жизнь еще и еще. Но диктаторы не считаются ни с красотой жизни, ни с инициативой народного творчества, если это переходит границы диктаторского рассудка. Но спросите у диктатора или его последователя, кто ему дал власть «не позволять, убивать или миловать тех кто думают вольно"?» Едва ли вы получите удовлетворительный ответ.

Всякий диктатор это жалкий трус, ибо он боится свободной мысли, которая разоблачает его гадкие и зверские поступки. Мало мальски культурный человек не боится здравой критики; на-оборот он делает из нее выводы и поправляет свои ошибки. Но диктатор настолько тупоумен, что не в силах понять эту важную сторону критики. Он верит что только его мысли верны и его поступки непогрешимы. Все же остальное—ошибки и преступления. Диктатор же не считает преступлением сгонять с лица земли даже сотни и тысячи людей которые позволят себе мыслить и говорить свободно.

Посмотрим что творится в тех странах где царствует ныне диктатура, буржуазная или будто-бы пролетарская. Как в Испании так и в Италии и в России, думать не смей! Это три страны в мире где мыслить нельзя, где мысль и слово суть преступления. А раз нельзя думать: то, следовательно, и того меньше говорить. Много раз уже высказывалось, что по разумению диктаторов думать вольно— преступление, говорить много—пустая болтовня...

А не самоубийство ли немота?

Чем больше люди говорят, тем больше они развиваются. Чем больше они молчат, тем больше они тупеют; они становятся равнодушны ко всему окружающему их. Не люди-то которые не говорят, это истуканы, уроды, хуже автоматической машины; а потому для диктаторов очень полезны не люди, а истуканы которые сложив религиозно на грудь руки, покорно произносят: Аминь! Как бы не издевалась над ними диктатура, как бы не гнула она их в бараний рог, все равно они будут твердить послушно и покорно Аминь!

У немыслящих людей, или мыслящих по заказу других, мысли тупые, чувства убиты: вечно молчаливые люди не умеют постоять за себя, за свою честь и достоинство, за свободу, ибо все это им чуждо. Это—рабы преклоняющиеся перед господином своим.

Не таковы люди которые думают и говорят, рассуждают и дискуссируют. Эти люди будят свой мозг, шевелят свои чувства и всегда доискиваются логических выводов о взаимо-отношениях в человеческом общежитии.

Еще больше, спросим диктаторов: не есть ли продукт свободной мысли и «болтовни» и весь современный прогресс науки, техники, искусства, музыки и проч.? Имели бы мы эти ценности если бы люди не мыслили много и не говорили свободно? С уверенностью можно сказать, что нет.

Мысль человека нельзя запереть в определенные рамки, как нельзя запретить летать птице, не искалечив ее. Глубоко ошибаются те, кто боятся свободной мысли, громкого слова и свободы вообще.

С. Олейник.

(*Окончание с 2 ой стр.*)

Не смотря на горе и несправедливость жизнь — прекрасна. Под слоем зла лежит добро. Сделаем же его существовать в сем мир, если даже мир этого не хотел бы". Такую доброту души и такую любовь можно найти только у Толстого. А Баррет любил даже и своих врагов, тех которые желали ему ничего иного как смерть.

Видя палающую жертву, совершаемую несправедливость или опасность которая угрожала человеческому существу, он старался помочь ему, спасти его, не обращая внимания на причины этого его состояния.

Так, например, во время военного восстания 2-5 Июля 1908 года, Баррет видя как раненные оставлялись на произвол судьбы, движимый чувством добра, рискуя жизнью, подбирая раненных под градом пуль по всем улицам и закоулкам, нося их часто своими слабыми руками. Что они были военные,—его злейшие враги, это его не трогало. Он любил человека как такового, и всякому человеку, даже врагу, старался делать добро, особенно если тот был в опасности или в нужде

Как писатель Баррет — несравним. Краткий в изложении, ясный в своих мыслях и реалист в своих описаниях, он может быть сравнен с лучшими представителями мировой литературы. Он не написал ни одной целой книги; не потому что не мог, а потому что не хотел. Он был газетный писатель, ибо он знал что эти листки доходят до самых темных уголков, попадают в семьи самые невежественные, доходят до людей самых отсталых.

А эти то и были те, кто больше всего его интересовали. Бедные, невежественные и отсталые, одним словом, жертвы современного общества, те кто все производят и всего лишены, те кто всю жизнь трудились и ничего не имели.

Лучшее доказательство его литературной ценности суть описания „Как живут жербали", статьи печатавшиеся в „Газете" и изданные потом отдельной книгой под тем же названием.

С этих страниц прогиядывает историческая трагедия народа, который был уничтожен, особенно в мужской своей части, загнан в нищету и горе людьми той же расы. Читая эти страницы видишь нечто более ужасное, более преступное, более подлое чем убийства и жестокость палачей и привилегированных преступников. Видишь человеческий ад, созданный жадностью капиталистов под прикрытием правительства на жербовых плантациях, где существует рабство такое же или даже более ужасное чем то которое существовало при Фараонах, которые кнутом и железом воздвигали египетские пирамиды. Из крови и слез, из вырванного мяса, из этого ужасного „мяса, которое потеет золотом" построены моцументы богатства этих великих бандитов, которые эксплоатируют „жербалей„ в Парагвае.

Даже перо Золя не могло бы бичевать сильнее жадность чудовищ капитализма, как это сделал Баррет в его книге „Кто такие жербали". В его этих описаниях читатель видит несчастных жербалей босых, полуголых, с телом прожженным солнцем тропика, цветущегося по девственным лесам превращенных в кладбища, где движутся живые мертвецы.

Предприниматель об'язался купить товар, т. е. нанять рабочих для жербалей, и те что нанимались на эти работы в надежде заработать на хлеб, в большинстве своем оставили там кости. И Баррет так мастерски обрисовал жизнь, страдания и муки этих современных рабов, что оно вызвало везде возмущение во всем народе, и даже некоторые депутаты заявили что подымут об этом вопрос в парламенте.

Но Баррет был не только писателем. Он был также анархист и борец. Видя несправедливость и злоупотребление властителей в Парагвае и желая создать движение против их кровавых деяний, он организовал вместе с тов. Г. Бертото газету „Жерминаль", первый номер которого появился 2 Августа 1908 года в Асунсионе. На страницах этого издания, Баррет выявил себя и свой оптимизм сильнее всего и со страниц которой без боязни и без колебаний бичевал зло. В этот период когда свирепствовала диктатура военщины, когда смерть гуляла по всей стране, когда мертвая тишина была навязана народу террором военных сатрапов и когда самая темная реакция царила в стране, единственный сильный голос, который безбоязненно бичевал все зло и насилие, был голос Баррета.

„Так как я не имею собаки, буду говорить сам", заявил он в одной из своих статей, озаглавленной „Под террором". Но в Парагвае в это время — как оно и сейчас—не было места для таких людей как Баррет.

Высланный в Октябре 1908 года из Парагвая, он поселяется на время в Монтевидео, где пишет „Дом чахоточных", произведение не менее сильное чем другие. Снедаемый туберкулезом, он уходит на некоторое время в санаторию и оправившись немного решает оставить Америку.

Из Монтевидео возвращается в Парагвай, забирает семью и возвращается в Испанию. Но и там он остается не долго. Болезнь быстро разрушает его организм. Он оставляет Испанию и поселяется во Франции, где и умер 14 Декабря 1909 г.

Баррет умер, но его деятельность—жива. Он оставил несравнимые и прекрасные страницы своих произведений, в которых и сейчас еще многие могут черпать бодрость и силы и в которых может найти идеи которые учат как должны жить люди, чтобы жизнь была для всех радосной и довольственной. 17 лет как умер Баррет, но пример его жизни и он сам служат светочем для многих и многих в их борьбе за лучшее будущее — за жизнь и Анархию.

Ст. Данев.

К Российским выходцам в Южн. Америки

Группой лиц занимавших раньше ответственные места в Исполнительных Комиссиях Федерации была организована, некоторое время тому назад, земледельческая колония в Рио Колорадо.

В свое время Исполнительная Комиссия сделала заявление разъяснение что эта колония не только не связана с Федерацией, но даже не имеет с ней сношений и что поэтому Исп. Ком. не только не может взять на себя какую бы то ни было ответственность за ее деятельность, но даже давать о ней сведения.

Теперь поступили и поступают в Федерацию предупреждения и описания о том что проделали некоторые из этих личностей с доверившейся ей массой. Понятно что рабочие эти частично и сами несут вину за то что сейчас переживают члены этой колонии: во 1-ых что так слепо доверились легкой демагогии отдельных личностей; во 2-ых что некоторые из пострадавших и сами помогали этим лицам в их разлагающей работе в Федерации раньше и в пропаганде этой колонии затем.

Понятно что эта „неудача" — печальна, но ни в коем случае не означает, что идея о товарищеских началах в работе — не верна. Организованная сознательно и на взаимности и солидарности, а не на слепой вере и подчинении разным демагогам, она может дать - и давала и дает, — прекрасные результаты.

Теперь в Федерацию поступили сведения о том что эти личности, доведшие чуть ли не до голодной смерти и до нищеты сотню рабочих людей, будто вновь начинают вербовать новых членов для колонизации.

Перед таким печальным фактом И. К. не может остаться пассивной и считает своим долгом предупредить всех российских выходцев чтобы не доверялись так слепо как доверились другие этим личностям и знали что по вине их больше ста человек, среди них 50 семейств, оказались в нищете, потеряв все свои сбережения, и не имеют даже чем двинуться из этой колонии на заработки.

Исп. Ком.

ЗА МЕСЯЦ

ГАВАНА. Небольшое государство и небольшой город сделались сейчас центром всей Америки. Дипломаты больше чем от 20 Американских, республик с'ехались на пан-американскую конференцию. Все эти государственные мужи стараются показаться как великие защитники свободы, демократии, трудового народа и т. д. А в действительности только стараются надуть свои народы и ведут торговлю за интересы одной или другой группы капиталистов. Ибо несмотря на то что правительство Соединенных Штатов расстреливает жителей Никарагвая, душит филиппинов и помогает эксплоатировать все бедное население Америки, ни один представитель свободных Демократий, не раскрыл рта против этих насилий.

Да и как могут они протестовать, если каждое правительство в своей стране насилует, душит и помогает капиталистам эксплоатировать свой народ. Власть и защита народных интересов—вещи не могущие ужиться вместе.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. Соединенные Штаты не только готовятся к войне, а ее генералы уже открыто говорят о неизбежности войны с Англией. Генерал Плункет прямо заявил во всеуслышание то что другие делают втихомолку. Перед военной комиссией конгресса лежит теперь разрешить вопрос о постройке новых 30 военных кораблей и более 700 аэропланов. Это помимо 1000 аэропланов и более десятка броневых кораблей, которые уже строятся.

Так готовятся правительства к войне.

АНГЛИЯ. Безработица в Англии все более и более усиливается. Более миллиона рабочих—без работы. А вожди рабочих договариваются с хозяевами об индустриальном мире. До чего договорятся эти политики—видно будет после.

ГЕРМАНИЯ. В Германии все бродит. Забастовка за забастовкой рабочих. Но и хозяева не отстают и об'являют лок-ауты. Более пятидесяти тысяч рабочих металлистов центральной Германии выброшены с работы. А политики не дремлят, Готовятся к новой комедии: выборам в парламент.

НОРВЕГИЯ. В Норвегии образовалось первое лэйборѝстское правительство. Мы видели рабочих представителей у власти в советской России, в республиканских Германии и Франции, в королевстве английском, датском и шведском; видим теперь рабочих представителей и в королевстве норвежском. Еще одно доказательство что и рабочие у власти не лучше любых других властителей.

АРГЕНТИНА. Закончилось интернациональное совещание учителей в Буэнос-Айресе. Были приняты громкие резолюции. Было произнесено много горячих речей. Но в общем мало было сделано по вопросу воспитания нового и лучшего человечества.

В северо-американские банки в Буэнос Айресе были подложены две бомбы. Полиция понятно раскрыть виновников не была в силах. И она выместила свою злобу на двух невинных. Итальянского анархиста Агуцци промучила пару недель, а Бадерако засадила на год в тюрьму за статью. Так мстят полицейские ищейки анархистам за свою неспособность и бессилие раскрывать виновников одного или другого акта.

РОССИЯ. Последняя комедия всероссийского коммунистического конгресса закончилась трагедией государственного коммунизма. Раскрылась сущность их государственнической идеологии, раскрылась ложь что коммунизм возможен при существовании власти. Не говоря уже о том что власть и свобода интересы трудящихся и интересы власти всегда—противоположны.

Еще больше практика показала что никакая дисциплина, ни партийная централизация не сможет спасти политическую партию от разложения и внутри—партийной борьбы. Да послужит оно уроком возлагающим „спасение" анархизма на партийную организацию анархического движения.

Троцкий, Каменев, Зиновьев, Радек, Пятаков, Раковский и другие вожди коммунизма пожинают плоды того что они посеяли. Когти диктатуры Сталина потрепали и их.

БИБЛИОТЕКА.

При федерации создана русская библиотека, в которой имеются многие лучшие произведения русской литературы и насчитывающая более чем 1500 томов.

Библиотека, для выдачи книг, открыта по вторникам, четвергам, субботам от 8 10 часов вечера, и по воскресеньям от 10 до 2 дня.

Calle Serano № 975

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

ГРУППЕ ПОСТРАДАВШИХ, ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КОЛОНИЯ В РИО-КОЛОРАДО.

Письма ваши, предупреждение статья и стихотворение получены. Печально понятно что проделано было с этой колонизацией. Но ведь и некоторые из вас также несут долю вины за эту работу. Поддерживая их и их разлагающей работе в самой федерации, а затем поддержав их в их идее распустить или закрыть федерацию во имя создания этого кооператива, который оказался обманом, (вольно или невольно, вы не можете отказаться от доли вины за все то зло и вред который нанесен федерации этой разлагающей и сомнительной работой. Исп. Ком. вполне дает себе отчет о том ужасном положении в котором оказались столько рабочих. Но ни в коем случае не может дать места таким заявлениям, которые больше всего повредят не Геферту, Майеру, Тычинскому и Компании, как вы пишете, а Федерации. Исп. Ком. в этом же номере помещает краткое предупреждение «К Российским выходцам в Ю. Америке», и надеемся что этим выполнила свой долг. «Голос Труда» благодаря невероятным усилиям отдельных товарищей вновь ожил и начинает занимать то место которое должен занимать рабочий революционный орган в рабочей среде: служить носителем света идей и культурного развития в массы, и мы думаем что пострадавшие и сами не пожелают чтобы «Г. Т.» превратился опять в листок полный грязных выпадов и личных дрязг.

Во имя великого идеала и великого будущего всего человечества, мы должны свои личные боли и невзгоды укрощать и стараться чтобы великое общее дело всех трудящихся руководило нами как в нашей жизни так и в нашей деятельности. И только таким путем, оставляя без внимания все эти мизерные и мерзкие проделки отдельных личностей, и неся к массам свет надежды и бодрости который миллиардами лучей проглядывают из всех пор жизни, мы сможем зажечь и в других свет любви и радости надежды и общими усилиями создать жизнь где не будет ни обманщиков ни обманутых, ни насильников, ни насилуемых, а только люди радостные и довольные, сильные и сознательные.

ЗЕЛЕНЮКУ, Ст. Резерва, Ф. К. С. Письмо и 25 пез получены. Книги имеющиеся Вам будут высланы. Голос Труда будет высылаться по указанному адресу. Очень рады что Г. Т. Вам так близок и дорог. Будем прилагать усилия чтобы он стал еще лучше.

«КРУЖКУ», Каруэ. Письмо получили. Понятно жаль что так мало деятельности проявляете. Но вы сами указываете на малочисленность российских выходцев у вас. Относительно Г. Т., было бы очень важно чтобы товарищи и читатели Г. Т. позаботились об его экономической стороне даже и при ежемесячном его выходе. В этом номере помещаем воззвание об этом.

ГОРДАШУ, Розарио. Апатия масс во время реакции — понятна. Это всегда так бывает. В такие эпохи только на активности отдельных товарищей может рассчитывать всякое прогрессивное и революционное движение. О колонии в Рио-Колорадо и о том что с ней произошло можете читать в «предупреждении» в этом номере. Из ответа «группе пострадавших, сможете понять какова была роль Майера и Тычинского в этой истории.

Г. БАШИНСКОМУ, Рио Гранде де Сур, Бразилия Письмо получено. Г. Т. будет высылаться. Каталог высылается.

КВАСНИЧЕНКО, Крус дель Эхе. Письмо и 10 пез получены. Г. Т. и Пробуждение будут высылаться.

ЛОПАТИНУ, Канада Верде. Письма Ваши получены. Напрасно Вы думаете, что не отвечается лично и не выполняются просьбы так быстро по нехотению. Число тов. в Ком. ограниченное, а работы по Г. Т. и Фед.—много. Вот и все. При первой возможности книги просимые Вами, будут Вам высланы.

КИПЕРМАНУ, Мендоза. Письмо и деньги получены. Журнал Пробуждение 2 экз. высланы. Вы пишете: „Голос Труда становится все богаче и интереснее" мы этому очень рады. Но хотелось бы его сделать еще богаче и интереснее. Но все зависит от друзей и читателей Голоса Труда. Если они пойдут навстречу материально, Исп. Комиссия приложит все свои физические и моральные силы чтобы Г. Труда стал истинным носителем света, бодрости сознания и любви в человеческие трудовые массы.

СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКОМУ СЕКРЕТАРИАТУ ФЕДЕРАЦИИ А.-К. ГРУПП. С. Ш. (ВСЕОБЩЕГО СОЮЗА АНАРХИСТОВ).

Письмо ваше и резолюция получены. К великому сожалению не можем дать им места на страницах Голоса Труда по следующим соображениям: 1-ое Исполнительная Комиссия Ф. Р. Р. Ѳ. Ю.-А. приняла решение не подымать *никакой* полемики по поводу „Платформы" так же как и „партии", предоставив организациям и товарищам на местах вынести свое отношение к этому прискорбному новшеству в рядах анархизма. Резолюции организаций, как и мнение Исп. Комиссии, были пересланы в копиях в „группу русских анархистов заграницей" в Париже. 2-ое Будучи принципиально против не только создания анархической партии, а и самой *платформы* как таковой, дав место вашим резолюциям мы бы вынуждены были высказать и наше отношение к этому вопросу, т. е. открыть страницы „Г. Т." для этих вопросов. Но мы считаем что достаточно разложения уже было внесено в ряды анархизма, а главное, считаем что наша задача это—пропаганда идей взаимности, солидарности и любви, а не ненависти, братоубийственной политики и дрязг.

От всей души приветствуем возрождение группового движения в Сев. Америке, но крайне сожалеем, что оно приняло такие *антианархические* основы и формы.

В следующем номере будем печатать статью Малатесты об этой платформе. Крайне советуем прочесть ее, также как и выдержки из статей Кропоткина помещаемых в этом номере об Анархии и Коммунизме. Они могут много помочь вам чтобы понять, что принципы организации предлагаемые платформой не только не анархистичны, а прямо антианархистичны.

Разбирая формы организации всеобщего союза анархистов, предлагаемые „Группой русских анархистов заграницей" Малатеста говорит: „анархически ли это? Это, по моему мнению есть власть и церковь. Не хватает, правда, полиции и штыков, как не хватает верующих, готовых принять *диктируемую* идеологию, но это только хочет просто сказать что эта власть будет рассадником расколов и ересей. Дух, тенденция — авторитарные и воспитательное действие будет всегда антианархистично."

Таково мнение Малатесты, основоположника анархического коммунизма. Такого же приблизительно мнения придерживается и федерация, не говоря уже понятно о том, что она принципиально расходится с деятельностью и самых авторов этой Платформы, которые внесли страшное разложение в анархические ряды в своем стремлении „руководить" анархическим движением.

Но как и всякие другие болячки и болезненные выступы на теле анархизма, и эта пройдет; и анархизм будет продолжать быть ярким светочем социальной эмансипации масс и освобождения личности от насилия политического, экономического и общественного.

ИВАНУ ЧЕРНОМУ, Детройт, Сев. Ам. Письмо и статьи для Г. Труда получены. Часть из них будет помещена в следующих номерах. Статья Бурита слишком большая для ежемесячника. Предлагаемые Вами работы уже печатались много раз на русском языке. Присылайте обещанное из России. Будет напечатано. Присылайте так же что нибудь о жизни в Соединенных Штатах. Было бы очень желательно.

ЯНБ, Париж Письмо ваше и прилагаемые отчеты, програмы, как и фотография стены коммунаров получены. Очень благодарны товарищам за их старания помочь улучшению Голосу Труда. Ждем перевод статьи Малатесты.

ОТЧЕТ

Федеративной кассы за период с 1 августа по 31 декабря 1927 года.

ПРИХОД:

Переходящая сумма на 1 августа.	478.96
Выручено за литературу. . .	375.93
» » Голос Труда. . . .	68.80
Подписка на Голос Труда. . .	12.50
Пожертвовано в пользу Г. Труда.	150.40
Выручено за типог. работы. .	102.75
» » Мед.	57.55
» » от спек. в Бериссо 17 сентября 1927 г.	65.70
» » рифы „чел. и земля"	10.—
Получен залог за салон „XX сен."	100.—
В пользу Германа и Бабия. . .	56.50
Выручено за Дело Труда. . .	17.20
» » Зарницу.	40.—
» » Воли Народа. . . .	5.—
» » Пробуждение. . . .	1.—
» » Ответ на Платформу.	0.50
Итого	1540.79

РАСХОД:

Помещение.	230.—
Освещение.	10.45
Печатание Г. Труда № № 277, 278, 279, 280, 281 и 282.	230.—
Перевозка тех же номеров. . .	44.80
Набор и верстовка.	170.—
Разные типограф. работы. . .	84.—
Почтовый ящик на 6 месяцев. .	12.—
Почтовые расходы.	79.89
Расходы по пасене.	107.65
Выданы библиот. залогов. . .	28.50
Залог за квартиру.	100.—
Проездные тов. по делу фед. .	14.20
Дефицит от спек. 24 сент. 1927 г.	3.95
Доска, крышка и ящик для шриф.	8.—
Выдан фонд Германа и Бабия.	56.50
Разные.	26.50
Итого	1206.44

Переходящая сумма на 1-ое января 1928 года. 334.35

Проверил В. Левшиков.

Отчет

«Комитета помощи преслед. анарх. в Болгарии» с 1 /XI/ 926 г. по 18 /IX/ 927 г.

ПРИХОД:

Остаток на 1 XI 926 г. 1759 фр., 100 шв. кр. и 1000 бл. лв.; от гр. «арб. фр.» (Лондон)—1 ф. ст.; от Густава (Мехико)—5 дол.; от Могес 25 фр.; от фр. гр. XX-ог 148 фр. 65 с.; от Спивака г. Моля 225 фр.; от «Л'Адвоката» г. Беркм. 336 фр. 25 с.; от Р. Г. (Монтпелис) 25 фр.; от Еленского (Чикаго) 689 фр. 15 с.

Всего - 3208 фр. 80 с., 1000 бл. лв. 100 шв. кр., 1 ф. ст. и 5 дол. Измен. от размена 100 шв., 1 ф. ст. и 5 дол. пл. 891 фр.

Всего прихода: 4099 фр. 80 с. и 1000 бл. лв.

РАСХОД:

Послано в Болгарию 1270 фр. и 1000 бл. лв.; т. Н. чер. Лию 50 фр.; т. Бор. 100 фр.; т. т. Н. Н. чер. К. Жан. 300 фр., т. В. Л. 150; т. Пуе 200 фр.; возв. 60 фр.; корресп. и перес. денег 98 фр. 70 с.

Всего расхода: 2228 фр. 70 с. 1000 бо.

Приход: 4099 фр. 70 с. и 1000 бо. лв.
Расход: 2228 » 70 » 1000 » »
Остаток 1871 фр. 10 с. на 19 IX 926 г.

Кассир к-та Г. Соболь

Проверил от имени бол. гр. «Безвластие» Драганов.